

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2018.5.17.4

УДК 338.49 | ББК 65.272.5

© Лихачева Т.Н., Калашников К.Н.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ

ЛИХАЧЕВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ltn534@gmail.com

КАЛАШНИКОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: konstantino-84@mail.ru

Цель статьи – разработка и апробация методики оценки и анализа развития человеческого потенциала сельских территорий. Научная новизна статьи состоит в разработке и апробации оригинальной авторской методики комплексной оценки состояния человеческого потенциала сельских территорий. Авторы рассматривают человеческий потенциал сельских территорий как систему из трех самостоятельных, но взаимосвязанных элементов (социально-демографического, социально-экономического и социокультурного), при этом выделяют в каждом из них «деятельностную» компоненту. Информационная база исследования охватывает статистические данные по районам Вологодской области, объединяет показатели, отражающие социально-экономическое и демографическое состояние территорий. Сельские

Цитата: Лихачева Т.Н., Калашников К.Н. Человеческий потенциал сельских территорий: оценка состояния // Социальное пространство. 2018. № 5 (17). DOI: 10.15838/sa.2018.5.17.4

Citation: Likhacheva T.N., Kalashnikov K.N. Assessing the state of human potential of rural areas. *Social Area*, 2018, no. 5 (17). DOI: 10.15838/sa.2018.5.17.4

территории рассматриваются в работе не обобщенно, а дифференцированно – по степени «урбанизированности» и близости к крупным городам. Это связано со значительной разницей в уровне развития между ними. Районы, включающие в себя крупные города, рассмотрены отдельно. Прочие районы были подразделены на три группы согласно демографическому подходу (предполагается, что сельскими территориями являются те районы, где доля сельских жителей превышает 50%). Авторы приходят к выводу, что развитие человеческого потенциала в сельских территориях происходит хотя и по негативному сценарию, но равномерно, и спецификация по уровню «урбанизированности» не выявляет существенных различий между выделенными группами муниципальных районов. Это может служить подтверждением того, что термин «территории вне крупных городов» удачно отражает противопоставление крупных городов и сельских районов, на фоне которого неоднородность последних теряется или попросту не фиксируется методами укрупненной формализованной оценки. Результаты исследования представляют интерес для органов местного самоуправления и исполнительной власти в части проведения стратегического курса развития сельских территорий и выявления его территориальных диспропорций. Перспективы исследования сопряжены с поиском внутренних связей между выделенными компонентами человеческого потенциала территорий.

Человеческий потенциал, сельские территории, индекс человеческого потенциала, управление развитием человеческого потенциала, Северо-Западный федеральный округ, Вологодская область.

Введение

Термин «человеческий потенциал» получил широкое распространение и заметную популярность в российской социологии, экономической науке и практике государственного управления, составив теоретическую альтернативу концепту человеческого капитала, появившемуся в русле неоклассической экономической школы [1–4]. Какое бы содержание мы ни вкладывали в этот термин, его сопутствующий смысл всегда достаточно широк. Мы понимаем под человеческим потенциалом территорий комплекс физических, психологических и духовных качеств, которыми обладают люди, населяющие данную территорию или составляющие некую социальную общность, с помощью которых они решают важные индивидуальные и общественные задачи. В самом общем и одновременно приземленном виде идею человеческого потенциала на макроуровне можно сформулировать следующим образом: чем более высоким уровнем здоровья, образования и профессиональной квалификации обладают жители данной территории, чем более они привержены высокой культуре труда, быта и человеческих

взаимоотношений, тем больший вклад в развитие, как собственное, так и общественное, они приносят или, по крайней мере, могут принести при наличии соответствующих условий и возможностей среды [5]. Подобное пространное определение, разумеется, нуждается в целом ряде сопутствующих пояснений и комментариев. Так, следует оговорить степень согласованности индивидуальных и социальных интересов, поскольку личные цели могут противоречить коллективным. Предприимчивость, физическая сила и ценные профессиональные умения действительно являются положительными качествами, однако до того времени, пока не становятся инструментом чьей-нибудь злонамеренной изобретательности и не служат средством служения узким интересам и совершения антиобщественных практик. Другой важный аспект – адекватное понимание того, насколько человеческий потенциал определен имманентными свойствами народа, или же его формирование и реализация практически всецело зависят от качества социальных институтов. В данной работе выбор критериев оценки человеческого потенциала основан не на компро-

миссе между двумя обозначенными подходами, что нередко встречается в работах российских и зарубежных исследователей, посвященных аналогичной и смежным научным темам, а скорее на уклоне в сторону качества инфраструктурной среды как фактора развития человеческого потенциала [6]. Соглашаясь с В.Ж. Келле в том, что для анализа формирования и реализации человеческого потенциала требуются разные подходы (в первом случае требуется подход «от общества к человеку», во втором, наоборот, – «от человека к обществу»), нельзя не отметить, что сама необходимость подобного разделения спорна, поскольку игнорирует неразрывную и самозамкнутую связь между этими процессами. Наконец, отметим особенности территориального контекста исследования, который отличается однородным социокультурным фоном, поэтому культурные и религиозные различия между жителями исследуемых территорий практически отсутствуют.

Вместе с тем проблема практических измерений человеческого потенциала сельских территорий имеет под собой и практические основания. Это связано с рядом неблагоприятных тенденций, прежде всего, демографических. Отмечается убыль сельского населения. Сельские территории России демонстрируют и заметную миграционную убыль населения. Так, в 2016 году сальдо внутренней миграции сельского населения составило 97920 человек¹. И это в большинстве своем активные люди молодого возраста. В итоге более половины жителей села составляют люди пенсионного и предпенсионного возрастов.

Цель данной статьи – на материалах Вологодской области, одного из регионов Северо-Западного федерального округа РФ, проанализировать состояние и тенденции развития человеческого потенциала сельских территорий на основе применения авторской методологии.

Методика и информационная база

На данный момент сформировалось множество методик оценки человеческого потенциала. Большинство из них в той или иной степени отражает различные аспекты методологии ПРООН, в частности ИРЧП². Несмотря на частую критику со стороны исследователей, ИРЧП является достаточно простым, доступным и универсальным инструментом мониторинга прогресса в области развития человека. Тем не менее в рамках данной работы мы предложим индекс уровня развития человеческого потенциала ввиду ряда особенностей объекта исследования (удаленность от более развитых территорий, ограничение в доступе к социальным услугам и т. д.). Для отражения его специфики целесообразно проводить оценку человеческого потенциала на уровне муниципальных районов, которые могут существенно различаться по степени «урбанизированности» и силе влияния крупных городов.

Как говорилось ранее, под термином «человеческий потенциал» применительно к исследованиям территориальных социально-экономических систем мы понимаем, в обобщенном смысле, сумму физических и духовных сил ее жителей, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей. Это говорит о том, что человеческий потенциал в своей основе имеет ряд структурных компонент. Мы же будем выделять три самостоятельные, но тесно взаимосвязанные компоненты человеческого потенциала территорий: социально-демографический, социально-экономический и социокультурный. Лучшее, что мы можем сделать, стремясь провести ровную стандартизованную оценку состояния человеческого потенциала в пространственном и динамическом срезе, это опереться на данные официальной статистики, отражающие состояние каждой из трех выделенных компонент. Параллельно с

¹ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 12.11.2018).

² Система оценки человеческого развития разработана учеными-экономистами Проекта Развития ООН во главе с М. Уль-Хаком. В основу методологии ИЧР легли три компонента: доход, образование и здравоохранение.

этим мы, опираясь на подход к исследованию ЧП Т.И. Заславской, выделяем еще одну составляющую человеческого потенциала – «деятельностную», которая, на наш взгляд, должна рассматриваться как отдельный компонент, который тесно взаимосвязан с тремя обозначенными сферами оценки [7]. Деятельностный аспект важен и потому, что установки, задатки или даже навыки сами по себе ничего не значат, если они не реализованы на практике³.

Раскроем содержание каждой из выбранных компонент. Социально-демографический потенциал – накопленный человеческий ресурс, характеризующий возможности воспроизводства населения. Он определяется структурой населения, соотношением рождений и смертей, уровнем заболеваемости. В известном смысле он имеет первичный характер по отношению к другим составляющим человеческого потенциала, поскольку без населения нет и самого предмета обсуждения, особенно с учетом сложной демографической ситуации [8–13].

Социально-экономический (трудовой) – это самая концептуализируемая теоретическая структура из тех, которые применяются в предлагаемой методике. Представляя себе всю широту теоретических подходов к трактовке понятия «трудовой потенциал», мы ограничимся лишь фиксацией его наиболее очевидных макроэкономических примет. На макроуровне трудовой потенциал представляет собой располагаемые трудовые возможности, характеризующиеся уровнем занятости и безработицы, потребностью в работниках и пр. Абстрагируясь от личного и индивидуального, например, навыков отдельных индивидуумов, мы фокусируем внимание на зримых и измеримых тенденциях социально-экономических процессов, с ними косвенно взаимосвязанных [14–18].

Формирование и развитие человеческого потенциала территорий также зависит от менталитета населяющих их жителей, социокультурного контекста и в целом того,

что можно назвать сферой культуры в самом широком смысле этого слова. Вместе с тем включение в методическую структуру оценки культурного компонента является, вероятно, самой сложной задачей. С одной стороны, вряд ли кто-то будет сомневаться в роли культурной и религиозной составляющих в экономической активности населения и состоянии человеческого потенциала, с другой – формализация и количественная оценка культурного потенциала сопряжены с проблемами как методологического, так и просто инструментального характера. Культурная компонента человеческого потенциала в контексте методики его измерения должна опираться на доступные как в пространственном, так и во временном разрезе показатели. Однако вместе с тем они должны обладать валидностью, то есть отражать те аспекты, которые мы действительно хотим учесть в расчетной модели. Компромисс между доступностью разнородных данных и объективностью оценки, на наш взгляд, достигается использованием ряда традиционных и публикуемых официальным органом статистического учета показателей: уровень преступности, брачное поведение, обеспеченность населения территории учреждениями культурно-досугового типа и образовательными организациями. Конечно, каждый из этих показателей уязвим для критики. Например, уровень преступности может отражать не только состояние общественного порядка и распространенность социальных девиаций, но и качество работы полиции, успешно регистрирующей правонарушения. Уровень разводимости, традиционно рассматриваемый как признак упадка семьи и дефицита доверия в обществе, еще не является достоверным критерием духовного кризиса, особенно если рассматривать проблему в масштабе межмуниципальных различий. Наконец, обеспеченность населения муниципального района организациями культуры и проведения досуга не служит гарантией избавле-

³ Quintini G. Skills at Work: How Skills and their Use Matter in the Labour Market. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 158. OECD Publishing, 2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/5jz44fdjfm7j-en>

ния от распространения антиобщественных практик. Соглашаясь с обозначенными замечаниями, а также с теми, которые, вероятно, еще предстоит услышать со стороны будущих оппонентов, мы вынуждены признать, что все они не отменяют работоспособности методики в целом. Действительно, если примерить все обозначенные сферы к интересам государства, то слабые места методики могут рассматриваться не более чем как неизбежные упущения, которые нуждаются в ряде сопутствующих комментариев и оговорок. Например, наличие дополнительного дома культуры в районном центре – это скорее преимущество, чем недостаток, а сельский клуб, какой бы низкий уровень качества услуг, пусть даже на уровне школьной самодеятельности, он ни предоставлял, будет успешно выполнять свою социальную, в широком понимании термина, функцию.

Если рассматривать человеческий потенциал с точки зрения воспроизводства, то «деятельностный» аспект можно условно отнести и к последней стадии его реализации, и к самому стремлению реализовать имеющийся потенциал. Характеризуя и количественно оценивая «деятельностный» элемент человеческого потенциала, мы в первую очередь должны обращать внимание на активность граждан в реализации накопленного потенциала, однако, как уже было сказано выше, речь пойдет не только о текущем состоянии человеческого потенциала, но и о состоянии институтов, открывающих путь для его накопления и реализации. Баланс между учетом этих факторов в расчетной модели будет в существенной мере определен доступностью статистических данных.

В целом же методическая структура данного исследования опирается на комплекс показателей, подобранных в соответствии с выделенными компонентами человеческого потенциала территорий. Для полноты оценки каждая компонента обеспечивается индикаторами положительного и негативного толка, а также теми, которые, на наш взгляд, отражают степень реализации «дея-

тельностного» компонента. Так, смертность и заболеваемость населения территории характеризуют ущерб демографическому потенциалу, уровень рождаемости и доля населения трудоспособного возраста служат мерой его развития, миграционный приток выступает критерием активности населения в поиске лучшего места для работы и, следовательно, реализации имеющегося «запаса» здоровья, физических сил, знаний и компетенций (табл. 1).

Калькуляция интегрального индекса осуществлена на основе метода, используемого в Программе развития ООН (расчет индекса человеческого развития, многомерного индекса бедности, индекса гендерного неравенства и др.). Преимуществом данного метода является возможность сопоставления разновесных показателей. Расчет частных индексов, имеющих позитивные зависимости с итоговым показателем, осуществляется по формуле:

$$I_{xi} = \frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}, \quad (1)$$

- I_{xi} – значение частного индекса показателя;
- x – оцениваемый показатель;
- i – объект анализа (в данном случае наименование либо условный номер района);
- X_i – значение оцениваемого показателя в районе i ;
- X_{min} – минимальное возможное значение оцениваемого показателя;
- X_{max} – максимальное возможное значение оцениваемого показателя.

Расчет частных индексов по показателям, несущим в себе негативные характеристики, осуществляется по обратной формуле:

$$I_{xi} = \frac{X_{max} - X_i}{X_{max} - X_{min}} \quad (2)$$

Объединение частных индексов в ИЧП проведено посредством расчета среднего арифметического:

$$I_{чп} = \frac{\sum I_{xi}}{15} \quad (3)$$

Таблица 1. Индикаторы человеческого потенциала территорий

Компонент человеческого потенциала	Негативные характеристики (имеется негативная зависимость с итоговым показателем)	Позитивные характеристики (имеется позитивная зависимость с итоговым показателем)	«Деятельностный» элемент
Социально-демографический	1. Смертность населения 2. Заболеваемость	1. Рождаемость 2. Доля населения трудоспособного возраста в его общей структуре	1. Миграционный приток
Социально-экономический (трудовой)	1. Уровень безработицы 2. Потребность в работниках	1. Численность работников организаций	1. Численность индивидуальных предпринимателей
Социокультурный	1. Уровень преступности 2. Количество регистрируемых разводов	1. Обеспеченность организациями культурно-досугового типа 2. Обеспеченность общеобразовательными организациями 3. Регистрация браков	1. Выявлено лиц, совершивших преступления
Источник: составлено авторами.			

Наконец, следует остановиться на описании методических нюансов, связанных с выбором критериев для сегрегации объектов исследования, а также выделением ограниченного динамического ряда. Для более подробного анализа человеческого потенциала сельских территорий мы воспользовались имеющейся углубленной статистикой по одному из типичных регионов в составе Северо-Западного федерального округа – Вологодской области⁴. Муниципальные районы, принятые в качестве объектов исследования, разделены на четыре группы на основе критерия «урбанизированности»⁵. Выбор временного отрезка для измерений (с 2000 по 2015 год) обусловлен как доступностью статистических данных за эти годы, так и произошедшими в течение данного периода критически важными для демографической динамики социально-экономическими и политическими процессами.

Важно отметить специфику изучения человеческого потенциала применительно к сельским территориям. С одной стороны, выделенные индикаторы и компоненты человеческого потенциала универсальны, поэтому могут применяться с равным успехом

и к сельским, и к городским территориям. Однако набор выбранных показателей отражает самый минимальный, но при этом практически исчерпывающий перечень социальных и институциональных срезов жизни и социально-экономического развития, который и составляет целостную и специфическую сельскую среду. В рамках исследований городских территорий аналогичный ряд параметров был бы явно неполон.

Результаты и обсуждение

В анализируемый период, несмотря на очевидные промежуточные колебания, в целом отмечается снижение индекса демографического потенциала по всем категориям территорий. Особенно драматичны эти изменения в муниципальных районах, находящихся вне зон тяготения крупных городов (табл. 2).

Сравнение выделенных групп муниципальных районов по динамике индекса демографического потенциала позволяет заметить углубление различий между сельскими территориями в зависимости от степени «урбанизированности». Если индекс демографического потенциала для мuni-

⁴ В целом наблюдаемая ситуация в муниципальных районах области отражает происходящие тенденции по СЗФО.

⁵ Использование термина «урбанизированность» применительно к сельским территориям может показаться неуместным, однако в данной статье он используется для удобства изложения, при этом имеется в виду доля сельского населения, проживающего в муниципальных районах, на территории которых могут находиться и городские поселения. Аналогичный подход к классификации сельских территорий уже был применен нами ранее [19].

ципальных районов с исключительно сельским населением составил в 2015 году 0,436, то для районов, расположенных вблизи крупных городов, он достиг значения 0,656.

Сельские территории, расположенные в зоне влияния крупных городов, отличаются более высоким, чем прочие районы, уровнем трудового потенциала, однако эти различия стали заметными лишь после 2010 года, тогда как в течение предшествующих лет индексы трудового потенциала для районов всех групп, кроме тех, где доля сельского населения составляет 51–99%, были сходными (табл. 3).

Сельские территории демонстрируют высокий, по сравнению с районами, территориально охватывающими городские округа, уровень культурного потенциала

в течение всего анализируемого периода: разница в значениях соответствующего индекса между муниципальными районами с крайними категориями «урбанизированности» достигает 2 раз (табл. 4).

Объединение четырех ключевых компонент человеческого потенциала в единый интегральный индекс приводит к сглаживанию и межтерриториальных различий, и динамических волн, однако сельские территории все-таки демонстрируют самые высокие показатели развития человеческого потенциала (табл. 5).

В целом за исследуемый период зафиксировано несущественное, но все же снижение индексов человеческого потенциала по всем категориям населенных пунктов, причем заметных различий в значениях

Таблица 2. Динамика индекса социально-демографического потенциала (районы Вологодской области)

Категория населенного пункта	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год
100% сельского населения	0,534	0,527	0,391	0,436
51–99% сельского населения	0,618	0,569	0,505	0,529
0–50% сельского населения	0,501	0,518	0,456	0,453
Районы, включающие в себя городские округа	0,727	0,759	0,628	0,656

Составлено по: статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа 2000–2015 гг.».

Таблица 3. Динамика индекса социально-экономического (трудового) потенциала (районы Вологодской области)

Категория населенного пункта	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год
100% сельского населения	0,592	0,546	0,512	0,478
51–99% сельского населения	0,560	0,473	0,500	0,463
0–50% сельского населения	0,610	0,554	0,512	0,538
Районы, включающие в себя городские округа	0,615	0,552	0,511	0,541

Составлено по: статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа 2000–2015 гг.»; статистический сборник «Труд и занятость в Вологодской области 2000–2015 гг.».

Таблица 4. Динамика индекса социокультурного потенциала (районы Вологодской области)

Категория населенного пункта	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год
100% сельского населения	0,609	0,603	0,605	0,667
51–99% сельского населения	0,535	0,457	0,488	0,509
0–50% сельского населения	0,464	0,395	0,501	0,477
Районы, включающие в себя городские округа	0,257	0,272	0,365	0,304

Составлено по: статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа 2000–2015 гг.».

Таблица 5. Динамика индекса человеческого потенциала (районы Вологодской области)

Категория населенного пункта	2000 год	2005 год	2010 год	2015 год
100% сельского населения	0,580	0,562	0,509	0,540
51–99% сельского населения	0,570	0,499	0,497	0,503
0–50% сельского населения	0,515	0,479	0,489	0,485
Районы, включающие в себя городские округа	0,540	0,516	0,492	0,484

Составлено по: статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа 2000–2015 гг.»; статистический сборник «Труд и занятость в Вологодской области 2000–2015 гг.».

Таблица 6. Индекс человеческого потенциала (районы Вологодской области)

Значения индекса	Год								Темп прироста (убыли), %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	
Муниципальные районы со 100% сельского населения									
Максимальное значение	0,647	0,674	0,593	0,613	0,622	0,684	0,671	0,686	106
Минимальное значение	0,507	0,438	0,423	0,460	0,470	0,492	0,425	0,345	68
Среднее	0,580	0,562	0,509	0,536	0,540	0,593	0,564	0,540	93
Муниципальные районы: от 51 до 99% сельского населения									
Максимальное значение	0,656	0,574	0,610	0,574	0,584	0,605	0,596	0,627	96
Минимальное значение	0,490	0,427	0,371	0,389	0,357	0,429	0,349	0,389	79
Среднее	0,570	0,499	0,497	0,485	0,478	0,525	0,484	0,503	88
Муниципальные районы: от 0 до 50% сельского населения									
Максимальное значение	0,611	0,583	0,600	0,591	0,571	0,599	0,581	0,624	102
Минимальное значение	0,291	0,337	0,424	0,418	0,382	0,360	0,365	0,339	116
Среднее	0,515	0,479	0,489	0,490	0,456	0,499	0,474	0,485	94
Районы в зоне тяготения крупных городов									
Максимальное значение	0,570	0,528	0,525	0,528	0,591	0,590	0,573	0,544	95
Минимальное значение	0,511	0,504	0,460	0,429	0,463	0,494	0,501	0,424	83
Среднее	0,540	0,516	0,492	0,478	0,527	0,542	0,537	0,484	90

Составлено по: статистический сборник «Муниципальные районы и городские округа 2000–2015 гг.»; статистический сборник «Труд и занятость в Вологодской области 2000–2015 гг.».

индексов между выделенными по степени «урбанизированности» группами районов не отмечается (табл. 6).

В ключевых тенденциях развития человеческого потенциала различия между выделенными группами территорий оказываются заметными, но не настолько существенными, чтобы их можно было зафиксировать как ценный научный результат. Неслучайно широко распространен термин «территории вне крупных городов», который, на наш взгляд, удачно отражает противопоставление крупных городов и сельских районов, на фоне которого неоднородность последних теряется или попросту не фикси-

руется методами укрупненной формализованной оценки [19].

Однако в оценке демографического и культурного потенциалов расхождение расчетных индексов для выделенных категорий сельских районов все-таки имеет место, и здесь нельзя не сделать важную методологическую оговорку. Разброс в значениях индекса между территориями может быть изначально детерминирован самой спецификой уклада и ритма жизни сельских и городских населенных пунктов, включая базовый уровень различий, описанный еще немецким социологом Ф. Теннисом как дихотомия между «общностью» и «обществом» [20]. Указывая

на межмуниципальные различия, мы лишь в очередной раз фиксируем эту родовую специфику, что в значительной мере ограничивает возможности для однозначной трактовки оценочных индексов.

Выводы

Критический анализ результатов оценки на основе предложенного в настоящей статье методического инструментария позволяет обозначить и ряд других ограничений его применения. Среди них сложность интерпретации значений индекса, обнаруживаемая в контексте как динамических, так и пространственных сопоставлений. Например, рост или, напротив, снижение индекса легко заметить, однако дать качественную оценку изменениям, которые вызвали данное приращение показателя, чрезвычайно сложно. Решением данной проблемы может стать дополнение формализованной оценки анализом ситуации «на местах». В пользу этого свидетельствует и свойство укрупненных оценок скрывать качественные межтерриториальные различия.

Наконец, последнее, что необходимо отметить в контексте обсуждения проблем оценки человеческого потенциала, это отсутствие достаточной статистической информации по состоянию и развитию человеческого потенциала, причем речь идет как

об общих социально-демографических показателях (на сегодняшний день отсутствуют актуальные данные даже по численности населения в сельских населенных пунктах), так и показателях, отражающих состояние основных выделенных в статье компонентов человеческого потенциала. Однако стоит отметить то, что в статье предложена надежная и теоретически обоснованная методологическая структура для оценки человеческого потенциала сельских территорий, среди преимуществ которой дифференцированный подход к изучению объектов исследования, выделение самостоятельных, но взаимосвязанных компонент человеческого потенциала, включающих и деятельность составляющую. Стоит признать, что в теоретико-методологическом осмыслении проблемы нами не сделано новых заметных шагов, однако в части измерения параметров развития человеческого потенциала территорий нам, на наш взгляд, удалось предложить альтернативную схему, опирающуюся на широко распространенные и общепринятые критерии и вместе с тем на неоднородность сельских территорий. Развитие системы статистической отчетности позволит включить в оценочную модель и другие показатели, что может повысить точность оценки и качество интерпретации ее результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Acemoglu D., Autor D. What Does Human Capital Do? A Review of Goldin and Katz's *The Race between Education and Technology*. *Journal of Economic Literature*, 2012, vol. 50 (2), pp. 426–463.
2. Becker G.S. *Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press, 1964. 412 pp.
3. Taylor J.E., Martin P.L. Human Capital: Migration and Rural Population Change. *Handbook of Agricultural Economics*, 2001, vol. 1, part 1, pp. 457–511. Available at: <http://econpapers.repec.org/bookchap/eeehageco/1.html>
4. Schultz T.W. *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*. New York: Free Press, 1971. 272 pp.
5. Hanushek E.A., Woessmann L. The role of cognitive skills in economic development. *Journal of Economic Literature*, 2008, vol. 46 (3), pp. 607–668.
6. Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
7. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 5–16.

8. Johnson K. Rural America Undergoing a Diversity of Demographic Change. *Population Reference Bureau*. Available at: <http://www.prb.org/Publications/Articles/2006/RuralAmericaUndergoingADiversityofDemographicChange.aspx>
9. Todaro M.P. Internal Migration in Developing Countries: a Survey. In: *Population and Economic Change in Developing Countries*. Chicago, 1980, pp. 361–402.
10. Kasimis Ch. Demographic trends in rural Europe and international migration to rural areas. *Agriregionieuropa*, 2010, no. 21. Available at: <http://agriregionieuropa.univpm.it/it/content/article/31/21/demographic-trends-rural-europe-and-international-migration-rural-areas>
11. Eberstadt T. The Dying Bear. Russia's Demographic Disaster. In: *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.jstor.org/stable/23039632>
12. Лихачева Т.Н. Демографический прогноз численности сельского населения Северо-Западного федерального округа // Проблемы развития территории. 2016. № 6. С. 112–131.
13. Woolcock M.L., Pritchett L. *Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development*. Washington, DC : Center for Global Development Paper 10, 2002. Available at: <https://www.cgdev.org/publication/solutions-when-solution-problem-arraying-disarray-development-working-paper-10>
14. Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне // Человек и труд. 2009. № 12. С. 30–33.
15. Маслова И.С. Трудовой потенциал советского общества: вопросы теории и методологии исследования. М., 1987. 32 с.
16. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М.: Наука, 2006. 259 с.
17. Ильин В.А., Смирнова Н.А., Тимофеева Я.Б. Качество трудового потенциала населения Вологодской области. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 1998. 76 с.
18. Чекмарева Е.А. Исследование условий и факторов воспроизводства трудового потенциала муниципальных районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 173–194.
19. Калашников К.Н., Лихачева Т.Н. Проблемы дефицита медицинских кадров в сельских территориях // Вопросы территориального развития. 2017. № 2. URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2205>
20. Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. М.: Владимир Даль, 2002. 453 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лихачева Татьяна Николаевна – инженер-исследователь отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ltn534@gmail.com. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Калашников Константин Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: konstantino-84@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Likhacheva T.N., Kalashnikov K.N.

ASSESSING THE STATE OF HUMAN POTENTIAL OF RURAL AREAS

The purpose of the article is to develop and test methods to assess and analyze human development in rural areas. The research novelty of the article lies in the development and testing of the original author's methodology for comprehensive assessment of human potential in rural areas. The authors consider human potential in rural areas as a system of three independent but interrelated elements (socio-demographic, socio-economic, and socio-cultural), identifying the "activity" component in each of them. The informational framework of the research covers statistics on the districts of the Vologda Oblast and combines indicators reflecting the socio-economic and demographic state of territories. Rural areas are not considered generally, they are differentiated by the degree of "urbanization" and proximity to major cities. This is due to significantly different degree of development between them. Districts with large cities are considered separately. Other districts are divided into three groups according to the demographic approach (it is assumed that rural areas are those where the share of rural population is over 50%). The authors come to a conclusion that the development of human potential in rural areas occurs though on a negative scenario, but evenly, and the specification on the level of "urbanization" does not reveal significant differences between the selected groups of municipal districts. This can serve as a confirmation that the term "territories outside large cities" successfully reflects the contrast between large cities and rural areas against which the heterogeneity of the latter is lost or simply not recorded by the methods of integrated formalized assessment. The research results are of interest to local governments and executive authorities in terms of ensuring strategic development of rural areas and identifying territorial imbalances. The prospects of the study are associated with the search for internal links between the selected components of human potential of territories.

Human potential, rural territories, human development index, human development management, Northwestern Federal District, the Vologda Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Likhacheva Tat'yana Nikolaevna – Research Engineer at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ltn534@gmail.com. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Kalashnikov Konstantin Nikolaevich – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: konstantino-84@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.